

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Багровое пепелище / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-205747-2

Советское командование разрабатывает Крымскую наступательную операцию. Группе разведчиков капитана Глеба Шубина приказано разведать обстановку в районе залива Сиваш. Бойцы проникают на территорию противника и собирают данные о важном узле немецкой обороны. Подоспевшие подразделения довершают работу разведчиков. Гитлеровские укрепления уничтожены. По дороге на исходный рубеж отряд капитана Шубина останавливается на ночлег в полуразрушенной деревне. Совершившие за один день невозможное уставшие красноармейцы еще не знают, что предстоящая ночь готовит им страшный сюрприз...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-205747-2

ВЫЖЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Майор Снитко расхаживал из угла в угол, отчего его сапоги стучали по старым половицам избы, где офицеров штаба разместили на постой. Михаил остановился, метнул напряженный взгляд на шторку, за которой гремели ложками, ужиная, его коллеги. Потом схватил полушубок и кивнул сидящему на сундуке капитану Шубину: иди за мной. Высокий темноволосый парень с белой прядью седины в чубе неохотно поднялся и последовал за энкавэдэшником. Этот разговор угнетал его, Михаилу Снитко был он обязан особым доверием, ведь месяц назад майор выбрал капитана разведки Глеба Шубина для выполнения ответственного задания на тер-

ритории противника. Верил в него и помогал по первой же просьбе, а сегодня Глеб видел, что подвел старшего товарища. Майор Снитко, обычно сдержанный, никак не мог подобрать слова и даже беседу не стал продолжать в доме, ставшем временной казармой для офицерского личного состава.

Улица их встретила холодным ноябрьским воздухом, земля уже была припорошена первым снежком, лужи застыли под стеклом льда. В другое время Глеб Шубин долго и с наслаждением вдыхал бы запахи, которые становились особо острыми в морозном воздухе. Аромат свежего хлеба, натопленной бани, запаха животных из сарая, где пряталась от первых холодов скотина. Только эти запахи остались у него глубоко в памяти; уже три года, как капитан сталкивался только с жуткими смрадными запахами войны: гарью выстрелов, тошнотворным ароматом разлагающихся тел, смесью раскаленного металла и пороховых газов — запахами смерти, которую разносила армия Гитлера по его Родине. Третий год капитан Шубин служил во фронтовой разведке Красной армии, собирал сведения на территории противни-

ка, ходил к немцам, брал «языков», помогал действовать партизанским отрядам, оказывал помощь в планировании контрнаступления командирам штаба. В его личном деле уже накопились наградные листы и грамоты, а такой ценный кадр не мог пройти мимо внимания разведывательного отделения. Оттуда поступила докладная записка с запросом на капитана Глеба Шубина для перевода его в постоянный личный состав подразделения. Еще сегодня майор Снитко составлял на капитана блестящую характеристику, отметив, что Шубин за три года войны сделал большие успехи в изучении немецкого языка, освоил взрывное дело. Но теперь готов был накричать на своего протеже, который вдруг заупрямился на, казалось бы, пустом месте.

Мужчины прошли мимо изломанной во время боев изгороди с сотнями отметок от пуль немецкого оружия, свернули к черным руинам — окраине села Громовка, где расположилась их дивизия. В ноздри ударил смрад уже остывшего пожарища — от добротных домов и срубов остались одни головешки и куча золы. Здесь майор Снитко наконец остановился, чиркнул спичкой, закуривая само-

крутку. Сладковатый дым поплыл по воздуху, смешался с палью, но Михаил вдруг резко притушил самокрутку. Впился пальцами в старенький ватник, в котором вышел Глеб, тихо и резко спросил:

— Ты что, испугался, капитан? Думаешь, не потянешь? Ты не сомневайся, не смотри, что ты обычный фронтовик. Был обычным, а теперь герой, по-немецки шпрехаешь, столько секреток провел. Таким, как ты, прямая дорога в разведку, не фронтовую, а где можно немца к ногтю прижать. Ты же сможешь в таких операциях участвовать, про которые только Ставка знает. Сейчас наши ребята Десну отбили, Брянск, к Киеву подошли. Гоним Гитлера по всем фронтам, а он как уж вертится, новые хитрости придумывает. Сейчас как никогда нужны хорошие разведчики, чтобы узнавать планы нашего врага. Мы должны опережать его, знать каждый шаг его генералов, чтобы готовить удар за ударом! — Он наклонился так близко, что почти дышал в ухо разведчику, горячее дыхание обжигало висок, голос дрожал от волнения. — Я тебе сейчас тайну расскажу, только тебе, никому больше, слышишь? Скоро будет встреча всех

глав, Англии, Америки, СССР. Все вожди со-
берутся и договорятся, что будут союзниками
против Гитлера. Весь мир с нами! Понимаешь,
что это значит, Глеб? Победа, близко побе-
да, и ты можешь стране помочь. Должен! Это
твой долг — долг офицера, разведчика, совет-
ского человека!

Но разведчик опустил голову:

— Товарищ майор, простите. Не могу я!
Откажусь.

Михаил стукнул кулаком по кривой жер-
ди — части околицы, разрушенной во время
боя за село:

— Да что ж такое? Почему, почему?! Что
ты так упрямишься? Да я бы на твоём месте
уже бежал в штаб рапорт о переводе писать.
Диверсионное отделение, лазутчики, да ты
сможешь в самом центре оккупированной тер-
ритории действовать! Последняя операция —
полностью твоя заслуга! Я рапорт писал, что-
бы тебя к награде представили. А ты назад, на
попятную, да чего ты, Глеб, не пойму!

Шубин замер, не поднимая головы, не-
приятно было. Стыдно отказываться и не ко-
му-нибудь говорить «нет», а майору Снитко,
который ему доверяет как себе. Но он твердо

решил: не уйдет из фронтовой разведки в диверсионное подразделение. Только как это объяснить майору, тут ведь про совесть, про мысли тяжелые, которые лежат камнем на душе. А они на войне, в армии, здесь приказы не обсуждают — их выполняют, иногда ценой жизни. И не отказывают старшему по званию, но снова согласиться на секретную операцию для Глеба было невыносимо. Он сник, перед глазами замелькали страшные моменты его диверсии на территории врага. Тогда пришлось действовать вместе с партизанами, с гражданским населением, и выжили не все — некоторые агенты погибли при выполнении приказа.

Капитан, уставившись в бескрайнюю черноту перед собой, признался товарищу:

— Не могу я, товарищ майор. Как подумаю, что придется снова в форме фрицевской ходить, делать вид, что один из них, ну-тро все переворачивает, до того противно. Шкуру чужую на себя примерять, смотреть, как наши ребята гибнут, и молчать, чтобы не сорвать операцию. На вылазке можно ответить, прирезать немца, убежать, схорониться в лесу, не терпеть. А в шпионах... не мое это,

товарищ капитан, не могу я с немцами шнапс пить и в лицо им улыбаться. Лучше уж... что угодно, только не это. Я с нашими ребятами драться рядом готов хоть на передовой под пулями, хоть в тылу, захватывая «языка», но агентом у фашистов служить отказываюсь, не уговаривайте, товарищ капитан. Я уже для себя это решил, стыдно мне, не должен так советский офицер думать. Только от одной мысли воротит, что надену германские погоны, что должен буду смотреть спокойно, как они наших стариков, детей, женщин убивают. На войне, на передовой смерть — она страшная, но привычная. Там воины, бойцы Красной армии. А в городе или на селе... мирное население, беззащитные они, нет у них ни ножа, ни винтовки, ни сил, чтобы немцу ответить. А те их жгут, голодом морят, издеваются. Не смогу я смотреть на это опять и ничего не делать! Не смогу!

Шубин вдруг замолчал и уткнулся в рукав ватника. Его сотрясала дрожь, перед глазами стояли мертвецы, растерзанные, избитые и жестоко убитые фашистами. Снитко вытянул припасенную «козью ножку» и снова чиркнул спичкой. Неожиданный ответ выбил его

из колеи, он понимал, что убедить Шубина не получится. Энкавэдэшник лишь предупредил своего товарища:

— Капитан, в штабе твой ответ не понравится командиру диверсионного отделения, и командиру дивизии не понравится. Не по-советски это и не по-офицерски, и не знаю, как ты им объяснять будешь свое решение. Тебе доверили, а ты... эх... капитан, не ожидал. Я за тебя поручился, характеристику такую составил. А ты на попятную...

Взлетела в черном воздухе красная точка — майор выкинул окурок, резко развернулся и зашагал прочь, так и не высказав всего, что жгло внутри. Обида и разочарование, с одной стороны, давили на офицера, а с другой... Он знал, подозревал, что может так повернуться дело, слишком уж капитан Шубин хороший, честный парень. Трудно таким людям обманывать, притворяться, лгать, терпеть фашистские преступления с невозмутимым лицом ради получения важных сведений, ради того, чтобы подготовить секретную операцию. Поэтому лазутчиков, диверсантов, которые действуют на территории врага, в глубине немецкого тыла так мало. Тяжело, невы-

носимо тяжело человеку врать, притворяться, даже во сне не быть собой, чтобы не выдать тайну. Носить чужую личину месяцами, мерзкую фашистскую маску, от такого люди лезут в петлю, готовы отдать жизнь на передовой, лишь бы не вернуться к этой невыносимой муке.

Майор Снитко вернулся в избу, улегся на свою постель на широкой лавке, но так и не смог уснуть до утра. Мысли о завтрашнем дне, об отказе Глеба Шубина от предложения не давали ему покоя.

А капитан Шубин даже не стал возвращаться в дом, где расквартировались на постой младшие офицеры дивизии. Несколько часов он провел на пепелище, сидел на перевернутом чурбане и не мог отвести взгляд от выжженного дотла клочка земли. Здесь когда-то курился дымок растопленной бани, сноровистая хозяйка стирала белье в лохани, старшие ребятишки возились над грядками, а младшие обдирали траву вокруг изгороди, чтобы накормить кроликов. Жизнь, мирная и уютная, текла, как спокойная река. Теперь же от той жизни остался кусок пустоты с золой и резким запахом гари. Именно такую пу-

стоту и испытывал разведчик после последней операции: умирающие товарищи, подростки из партизанского отряда, прекрасная балерина — тайный агент, они погибли на его глазах, оставив у капитана Шубина огромную черную рану в груди. Ее не было видно глазами посторонним, но она отпечаталась в глубоких складках на его лице, молодой мужчина постоянно ощущал эту горькую, ледяную пустоту, в которую, как в бездонную пропасть, ушла радость жизни. Он не чувствовал ноябрьского холода, который пробрался под ватную куртку. Горячая ярость сжигала изнутри, горела черным пламенем, требуя одного — отомстить за каждого, кто не выжил в борьбе с фашистами, за каждую смерть, что прошла перед его глазами, за каждую унесенную гитлеровцами жизнь.

ГЛАВА 1

Командир дивизии, полковник Арчебаков, переводил цепкий взгляд с майора НКВД на капитана разведки:

— Это что за выкрутасы! Боевые офицеры, устроили тут ромашку. Буду — не буду!

Как девка ломается стоит, приказ командира по уставу выполняется беспрекословно! А ты куда смотрел, майор?! И этого ты рекомендовал в диверсионный отряд? Лучший разведчик, безупречная репутация?! Медаль ему?! За что? За то, что отказывается от задания?!

Полковник распалялся все сильнее, перешел на крик, от которого затихли все звуки в узле радиосвязи, что находился в соседнем кабинете поселковой школы. Майор Снитко тоже молчал, даже не пытаясь оправдаться. Как он и предупреждал, отказ капитана Шубина вызвал недоумение и ярость у командира, который не мог понять, отчего доблестный разведчик отказывается от участия в агентурной деятельности на территории врага. Молчал и Шубин, хоть и хотелось ему выкрикнуть, объяснить, что да — он офицер, боевой офицер, боец, воин и готов служить, биться за Родину, сражаться до последней капли крови, но не лицедействовать, жить под чужой маской. Но вчерашний разговор убедил его — никто не поймет его, прав капитан Снитко: в армии приказ выше душевных мук. Поэтому решил стоять на своем до последнего, хоть в штрафбат пускай отправят, но он в тайные

агенты, в шпионы не пойдет. Пускай лучше окоп на передовой, зато воевать честно, открыто, без притворства и можно выплеснуть наконец всю скопившуюся ярость, бить по немцам, убивать их, уничтожать так же, как они без жалости расправляются с советскими гражданами.

Комдив тем временем схватил со стола личное дело разведчика и потрянул им в воздухе:

— Под трибунал пойдешь, Шубин! Грош цена твоим подвигам после такого! Расстреливают за такое в наше время, потому что, получается, трус ты и предатель Родины, раз отказываешься от выполнения приказа.

Глеб не выдержал, голос у него был глухим от напряжения:

— Я не отказываюсь, товарищ полковник. Я готов на любое задание, только скажите. Но я — разведчик, фронтовой разведчик, а не шпион. Вы знаете, любой приказ выполняю, но в своем отделении.

От злости у Арчебакова пошло красными пятнами лицо, майор Снитко оттеснил капитана в сторону, понимая, что сейчас и правда дело может дойти до трибунала.

— Товарищ командир, предлагаю дать капитану Шубину небольшую отсрочку. Товарищ недавно после ранения, он, не завершив лечения в госпитале, был направлен на секретную операцию.

— Ты еще его и защищаешь, майор! Ты — майор НКВД, отвечаешь за государственную безопасность, а сам за этого предателя горой! Еще и об отпуске ему хлопчешь! Да я вас! Обоих! Без суда и следствия! Сдать оружие и документы, — взревел полковник, багровый от ярости.

— Товарищ командир дивизии, разрешите обратиться, — вмешался в разговор человек в обычной поношенной форме без знаков различия, который до этого сидел в темном углу штаба и наблюдал за спором.

Арчебаков будто пришел в себя, бросил папку с личным делом обратно на стол и кивнул. А мужчина приподнялся с лавки, вышел чуть вперед, лицо его было спокойным, а голос таким тихим, что остальным приходилось прислушиваться к каждому слову:

— Секретная служба не для каждого, надо иметь для нее особый склад ума. Ни отличная характеристика, ни знание немецкого,

ни боевые заслуги не гарантируют, что капитан Шубин сможет служить в нашем отделении. Главное — это внутренняя готовность, она даст уверенность и силы. А я вижу, что товарищ Шубин не готов стать тайным агентом. Заставлять, уговаривать его не стоит, одна ошибка, одно неверное слово там, — он указал на запад в сторону все еще оккупированных немцами территорий страны, — это сотни и десятки погубленных жизней. Поэтому, товарищ полковник, предлагаю на его переводе не настаивать. Лучше перевести его на службу, отвечающую его складу характера, так сказать. Считаю, что капитана Шубина надо включить в новые подразделения, в ШИСБР.

— ШИСБР? — полковник недоуменно нахмурился, аббревиатуру он слышал первый раз, как и остальные присутствующие.

Человек без погон кивнул, мол, понимаю, сейчас расскажу:

— Во время контрнаступления под Москвой маршал Жуков потребовал от командования армии не использовать тактику атак вражеских позиций в лоб. Он потребовал разработать действия, которые помогут советской пехоте наступать с небольшими потерями

ми и при этом с максимальным разрушением узла обороны противника.

Незнакомец говорил, а капитан Шубин слушал его затаив дыхание. Офицер хоть и не представился, никак не выдал своего звания или рода войск, но по его манере говорить, рассуждениям разведчик сразу понял, что перед ним птица высокого полета. Этот человек был похож на шахматного гроссмейстера, который анализирует каждый ход игры, война была для него продуманным планом, направленным на полное уничтожение фашистов.

— Штурмовой бой в городских условиях, вот что сейчас нужно. Немцы закапываются все сильнее в землю, уходят в окопы и укрепленные узлы обороны, создавая неприступные крепости в крупных населенных пунктах. Во время таких атак, контрнаступлений наши пехотинцы несут огромные потери. Победа дается слишком дорогой ценой, поэтому Ставка ВГК приняла решение о формировании штурмовых бригад, которые будут взламывать оборону противника с помощью особого оборудования и тактики огневого штурма. Перед началом атаки бригада должна

провести рекогносцировку местности, выработать план действий, чтобы каждый удар был смертельным для немецкого оборонительного пункта. Поэтому бригады комплектуются как инженерами, стрелками, так и разведчиками. Каждая единица личного состава обладает огромным опытом, приобретенным во время службы не только по своей специальности, но и умеет вести рукопашный бой, находится в отличной физической форме, может вести огонь из разных видов оружия. А операция, быстрая и стремительная, технически подготовлена так, чтобы за несколько минут уничтожить узел противника. Никаких многочисленных атак с потерями в сотни тысяч — наши бойцы не должны умирать и устилать своими телами дорогу к победе. Гитлер остановился, его армия больше не движется вперед, еще чуть-чуть, и будет перелом в этой войне, мы должны собрать всю свою силу, чтобы каждый удар был разрушителен для противника. Штурмовая инженерно-саперная бригада — это мощное, грозное оружие, готовое в кратчайшие сроки дать ответ действиям вермахта. Поэтому туда отбирают лучших, таких, как вы, капитан Шубин. — Офицер остановился

рядом с Глебом, заглянул ему в лицо и увидел, что его рассказ зажег огонь в его глазах. Он попал в больное место разведчика: ведь тот сгорал от желания действовать открыто, бороться против фашистов всеми силами, показать все, что умеет, а не только свой талант разведчика.

Поэтому капитан Шубин сделал шаг вперед:

— Я готов прямо сейчас написать рапорт о переводе меня в ШИСБР. Я уверен, я точно знаю, что там я буду на своем месте.

После его слов в импровизированном штабе установилось молчание. Полковник Арчебаков вопросительно косился на неизвестного офицера, а тот застыл с наклоненной в раздумье головой. Майор Снитко сначала с облегчением выдохнул, обрадовавшись тому, что угроза трибунала прошла мимо Шубина, а потом неожиданно огорчился, осознав, что штурмовая бригада будет действовать на передовой, на острие каждой атаки, а значит, в самых опасных условиях. От страшной мысли все сжалось в груди, он привязался во время операции по-доброму, по-отечески к этому парню. Немногослов-

ный, сдержанный Глеб нравился ему тем, что хоть и обладал опытом фронтового разведчика, видел немало ужасов войны, но сохранил любовь к людям, не стал циником и не ожесточился. Поэтому майор НКВД так хлопотал, писал характеристики на разведчика, беседовал о его судьбе с комдивом, чтобы сделать для своего фронтового товарища то небольшое, что было в его силах.

Наконец молчание нарушил тихий голос незнакомца:

— Я подготовлю рапорт о переводе капитана Шубина в 12-ю штурмовую инженерно-саперную бригаду. Она действует сейчас на территории сивашского рубежа, подготовка операции проходит в условиях секретности. Больше никаких сведений предоставить вам я не могу... Капитан Шубин, ближайшим составом вы выдвигаетесь в южном направлении, документы будут готовы сегодня к вечеру. До этого времени приготовьте вещи, путь займет двое суток. — Теперь он бросил вопросительный взгляд на комдива, тот кивнул в ответ — приказ о переводе будет готов.

Офицер спецразведки протянул руку капитану:

— Капитан Шубин, я верю, что вы проявите себя в новом подразделении. Штурмовики — это лучшие представители нашей армии, рад буду видеть вас в их составе.

— Спасибо! Есть подготовиться к переводу, — капитан козырнул комдиву и остальным командирам, четким строевым шагом пошел к выходу. Больше не чувствовались в его фигуре усталость и безнадежность, наоборот, его наполняло кипучее желание как можно быстрее оказаться на месте и начать действовать вместе со своими новыми сослуживцами.

Майор Снитко вышел следом за разведчиком и, вдруг крепко пожав ему руку, одобрительно хлопнул по плечу:

— Ну хорошо, видишь, нашел ты свое место. На передовой будешь воевать, Глеб. Ты давай собирай вещмешок, а я до интенданта в хозслужбу.

Шубин кивнул, видел, как изменился в лице майор. Крепился, хлопал по плечу, а в глазах стояла тоска. Так провожала его на фронт мать: перебирала сумку, оглаживала одежду, повторяла свою просьбу писать почаще, нахваливала девушек, которые тоже с сумками и чемодан-